

Галина Соколова, Элла Мазько

**У ПОПА
БЫЛА
СОБАКА**

Галина Соколова

У попа была собака. Повесть

«Издательские решения»

Соколова Г.

У попа была собака. Повесть / Г. Соколова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-507023-4

Новый экшн-платформер творческого дуэта Галины Соколовой и Эллы Мазько выведет нас на стык двух тектонических плит, когда в Великой Трансформации мира терпела землетрясение 1/6 земной суши. «Что такое хорошо, а что такое плохо», пришлось решать каждой отдельной человеко-единице. Решали по-разному — у кого как получалось. Не ожидайте здесь ни огнестрельного, ни холодного оружия — всё произойдёт внутри самих себя. Но в итоге...

ISBN 978-5-00-507023-4

© Соколова Г.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1	8
1	8
2	10
3	12
4	14
5	16
6	20
7	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

У попа была собака

Повесть

Галина Соколова
Элла Мазько

© Галина Соколова, 2020

© Элла Мазько, 2020

ISBN 978-5-0050-7023-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

...Первая жена лупила его сковородкой, две другие обливали помоями, а четвёртая выменяла за его счёт шикарную квартиру у моря, на Французском бульваре, выделив ему камору без удобств, окон и дверей, хотя и в центре города. Прочие же супруги – официальные и неофициальные – отреклись даже от перекрёстков, где их свела судьба. Да и дети его общаться с ним не хотели.

И вот на этого-то человека запала моя бывшая!.. Ума не приложу, как такое могло с ней случиться. Впрочем, женщину, как Россию, умом не понять. Особенно, когда верх у неё берут импульсы.

Мы с Иркочкой прожили почти двадцать лет, и я от неё только и слышал: «Ах, Платон, ах, две половинки». Она меня так заколебала, что я взял, да и разыскал Платонов «Пир». Почитал. Забавная вещица, могу сказать. Из истории, что он там насочинял, выходит такое: «...когда-то наша природа была не такой, как теперь. Прежде всего, люди были трёх полов, а не двух, как ныне, – мужского и женского. Ибо существовал ещё третий пол, который соединял в себе признаки этих обоих. Сам он исчез, и от него сохранилось только имя, ставшее бранным, – андрогини. Эти андрогини сочетали в себе вид и наименование обоих полов – мужского и женского...». Это что ж выходит – третий-то пол был гермафродиты?! То есть, не только третьего пола, но и третьего сорта людишки? Так, уже интересно!

А дальше-то, дальше! «...Тело у них было округлое, спина не отличалась от груди (это Платон говорит, не я!), рук было четыре, ног столько же, и у каждого на круглой шее два лица, совершенно одинаковых (никак мне в таком виде Ирка бы не понравилась!). Голова же у двух этих лиц, глядевших в противоположные стороны, – одна. Общая. А ещё ушей имелось две пары, срамных частей две (о, это уже покруче будет)...» – ну и так далее. Ничего себе наворотил! Шутка богов?! Или бред Платона. Понадобилось гомосексуальным грекам оправдание под даже им непонятную, но весьма поощряемую тягу, базу подвести. И сварганили выморочную теоричку. Были описанные ими монстры могучи сверх меры, гордыня и великие замыслы их просто распирали. Потому и на власть богов они стали посягать. Оскорблённый Зевс взял, да и разрубил каждого пополам. Причём разрубил вдоль. И вот с тех пор якобы левая и правая стороны с вожделием стремятся друг к другу. А когда встречаются, тут-то и происходит их магическое слияние! Но главное, что я оттуда выудил, оказалось самым интересным. Только, эх, где ты раньше был, Платон! Какой железный аргумент от меня уплыл из-за этого – я б

им супружницу мою на обе лопатки положил! А заодно и всю слюнявую часть человечества: «Половинка моя, половинка моя, по тебе скучаю я!». Да не читала она Платона, просто вслед за другими долдонила! Там, в Платоновом «Пире» всё элементарно раскладывается: ежели мужика на две половинки разрубили, значит, – что? Правильно – мужик к мужику, баба к бабе. И, по Платону, это самая что ни на есть распрекрасная, даже изысканная штука. А в итоге-то получилось полное непотребство – это по-ихнему, по-древнегречески. Женская половина свою мужскую взялась отлавливать! И наоборот. Что, оказывается, вполне себе презиралось и считалось у хвалёных классических греков прям-таки низменным плебейским делом. Потому как мужчины, охочие до женщин – блудодеи, а женщины, падкие до мужчин, – распутницы. Вот и нате вам – получите, распишитесь! Так кто ж тут намудрил на самом деле – Платон или те, кто слышал лишь звон?!

Только к этой теории половинок позже ещё и романтики Ренессанса пристроились. И у них вышло всё с точностью до наоборот. Благо, разыгрались в «испорченный телефон». Озабоченные трубадуры-менестрели напустили туману про «неутолимую жажду любви», только уже исключительно мужчин к женщинам и женщин к мужчинам. И пошло-поехало. Это ж сколько веков нас зомбируют этим клише массового сознания! Расхожую банальность маниакально твердили все, а Ирка в особенности: «Найти свою половинку!». Как бы закладывавая установку на заведомую свою ущербность. Мы с Иркой, а позже и с нашей подросшей Юлькой об этом часто говорили. И я доказывал, что каждый из нас – это отдельный, завершённый в себе совершенный мир (в идеале, конечно). А самая совершенная форма в природе – шар. Которому – да, наверное – нужен другой мир, созвучный! Но уж никак не половина, а весь, целиком. (Невольно представляется графический образ в виде двух полукругов. И тогда состыковка происходит лишь по узкой линии диаметра – сотрётся ли она, срастётся ли – большой вопрос!). Проекция шара на плоскости – круг. А более или менее полное совмещение – это наложение половинок кругов друг на друга. И чем миры созвучнее, гармоничнее сочетаются, даже по контрастности, – тем глубже взаимопроникновение и слияние. И тем больше их общая и объединяющая часть. В таком процессе у каждого может остаться больший или меньший сектор собственной «территории». А бывает и полное слияние – «растворение» одного в другом. Трактуйте это, если угодно, даже как взаимное исчезновение, раз уж «он» стал тобой, а «ты» – им. Это – теоретически. А практически, вы все равно существуете каждый сам по себе, хоть и меняясь. Но в любом из вариантов возникает нечто третье, будь то ребёнок или что-то другое, созданное этим самым слиянием. Атмосфера гармонии, скажем. А в результате вышло у нас с Иркой, как у тех древних греков: хотели как лучше, а получилось как всегда! Разойдясь со мной, она нашла себе совсем уж эллипсоподобного типа. Некого Абрамова. Крутился тут один по журнально-газетным редакциям. Нечто плотное с громадной головой и в таких же очках. Лицом такой весь круглый, улыбочивый – ну само добродушие. Кабы не капризный изгиб сладострастных губ. А за очками – льдистые глаза неопределённого выражения. Впрочем, некоторые редакционные дамы были от стишат Абрамова в каком-то жеманном восторге. А меня ну ничуть не впечатляло. Как и скользкая его привычка говорить то ли в шутку, то ли всерьёз. Да ещё эдак демонстративно, будто по плечу тебя барски похлопывает. Тоже мне – Аполлон с пересыпского Олимпа: «О, смертные, внимайте моей сладкозвучной лире – всемлистивейше дозволяю!».

Поэзия в те годы была ещё в моде. А мода, как известно, мадама привередливая. Так что надолго с ним дамы не задерживались. И всякий раз, когда этот тип являлся в Ирпень, где тусовалась писательская алкобратия (братия, начинавшая пить раньше, чем писать), он оказывался неизменно холост. Чем и привлекал очередных любительниц муз. Может, потому и моя Ирина Юрьевна влипла, как муха в тенета? Она на стишках всегда была малость свихнутая. По молодости, признаться, и я словоблудием грешил, – начитал парочку, подыграл восторженного слушателя – и ты уже рыцарь на белом коне! А может, моя бывшая просто ударилась в свои

извечные иллюзии насчет Платоновой «божественной лиги». Или вообще съехала с катушек – у них тоже, как выяснилось, бывает кризис среднего возраста. Тем более, что с развода прошло уже несколько лет. Разбежались мы мирно. Остались, как говорится, друзьями. Да и дочь, опять же. Так что меня продолжало интересовать, как там у неё дальше сложится. И, честно сказать, я всё пытался понять, какого ж рожна ей в нашей-то жизни не хватало. В мозгах крутил и так, и этак. К определённом выводу так и не пришёл, хоть много раз подступался и с ней обсудить. Но оно так и не выговорилось. А ведь когда только начиналось, думал, что всё про неё понимаю. Но нет, оказалось...

Словом, принялась моё «второе „Я“» на полном серьёзе курсировать к этому очаственному из Киева в Одессу. Нет, она ещё продолжала красоваться на первом канале. Только раньше она в работе прямо фанатела. Где ей было просто на роль жены да матери переключиться: мы ж вечно заняты, у нас же ж ненормированный редакционный режим! А теперь гоняла туда-сюда, даже невзирая на своего домашнего кормчего. Возмещала подавленность Бабиными кандалами. Баба с большой буквы – это моя тётца. Она, змеюка чванливая, сама так себя называть велела. И вдруг – нате вам: моя вся такая беспривязная Ирка – при кухне, стирке да уборке! И всё для того наглого узурпатора. Полный отпад!

Ну и что путного вышло? Ладно, пусть сама расскажет.

Часть 1

1

То, что миром правят идеи, я знала ещё со школьных лет. Я была записана во все библиотеки города одновременно, читала много и быстро, периодически делая пометки в общей тетради, которую считала своим личным дневником. Хотя на её шероховатых, с лёгкими волокнами древесины, страницах не было никаких личных записей. И моё перо, называемое в нашей среде «скелетик», ныряло в чернильницу-«непроливайку» лишь в исключительных случаях. К примеру, если я попадала на что-то из ряда вон выходящее. Обычно либо из Демокрита, либо из Гераклита. Или ещё кого-то из древних, до кого моим сверстникам не было никакого дела. Их больше волновали Мопассан и Золя, имён которых они, естественно, не знали, но зато на школьных переменках то и дело конфузливо пересказывали содержание отдельных запретных страниц. То, о чём там было написано, казалось стыдным. В жизни мы пока ещё имели об этом самое смутное представление, хотя многие ютились в одной комнате с родителями. Рождение братьев и сестёр воспринималось всеми нами как нечто вполне естественное и никаких досужих домыслов не вызывало. Тем не менее, когда в восьмом классе мы с моей подружкой Галкой Грибановой обсуждали её встречи с Вовкой из соседнего двора, на мой продвинутый вопрос, целовались ли они уже, Галка с ужасом ответила: «Ты с ума сошла! От этого дети бывают!». Про всевозможных Демокритов Галка и слухом не слыхала: она жила в обычной рабочей семье, где папа частенько приходил домой под мухой и чуть не до утра травил сальные анекдоты. Но сакральная их информация то ли не доходила, то ли в расчёт не бралась. Мои же собственные встречи с представителями мужского пола ещё не вступили даже в начальную фазу. Соответственно, высокая философия и жизненный опыт в единой упряжке не брели. Правда, заинтригованная чувственной французской крамолой, я взяла с библиотечной полки «Красное и чёрное» и проглотила от первой страницы до последней. Но ничего смутившего меня в ней не обнаружила, даже наоборот, подивилась, как можно привычными словами так детально и просто передать человеческие чувства. Правда, это уже было не в восьмом, а в десятом классе.

Короче, я читала много, благо библиотечные фонды в городе были богаты. А стремление понять как себя, так и извивы душ человеческих привело меня на факультет журналистики. В нашем маленьком волжском городке, откуда шёл наш род по материнской линии, ни университета, ни тем более факультета журналистики не было. А поступать в популярные там «пед и мед», не говоря уж о вовсе меня не интересовавшем политехе, не хотелось. И я двинула в златоглавый Киев – мать городов русских. Поступить там было легче, чем в обеих столицах Союза. Тем более, что страна монолитна, разделение по республикам достаточно условно, и основным языком высшей школы, естественно, был общегосударственный русский.

Но как непросто оказалось ремесло пишущего! Где-то в глубине меня строчки складывались легко и непринуждённо, но... Стоило взяться за перо, являлся Его Величество Ступор – и дальше дело не шло. Может, потому каждый, способный на бумаге выразиться убедительно и красиво, вызывал во мне смутное почтение, от которого в голове становилось гулко и моторошно, будто в ней поселился пчелиный рой. А уж если кто-то слагал стихи... Стихи были для меня религией. От них сладко замирало под ложечкой, а зыбкое пространство вокруг приходило в странное, ничем не объяснимое движение. Оно как бы расширялось, покачивалось и порой даже вспыхивало летними голубыми зарницами, являя моему изумлённому взору фантастические голографические видения с травами, с прозрачной, как хрусталь, водой, с раскатами грома, глухими и мощными. И тёмно-свинцовыми тучами, которые, заслоняя солнце,

то ползли, цепляясь лапами за крыши домов, то рассыпались, превращаясь в тяжёлые капли. Поначалу они шлёпали ими по листьям – а потом звонко, разрезаемые зигзагами молний, вдруг обрушивались затопляющим ливнем. Мне казалось, что вызвать такое состояние было под силу лишь тому, кого обнял и отчески поцеловал в макушку сам Бог. Ибо такими людьми руководили силы не от мира сего. Я и замуж-то вышла за парня, который был не по зубам ни одной из моих сокурсниц. Немалая его эрудиция заворожала меня строфами из Овидия и Верлена. Он и любые кроссворды лугал, как семечки. А кусачие свои фельетоны отливал и клепал, как Гефест мотыги – играючи. Вызывая в городе долгие пароксизмы смеха. Учились мы на одном факультете и, как мне тогда казалось, понимали друг друга с полувзгляда, с полувздоха. Даже кожей. Без слов вообще.

Жили мы с ним, не очень-то задумываясь о быте – жизнь вместе казалась нам актом удивительного творения, чуждого однообразной прозы повседневности. Некоей доселе невиданной миром конструкцией. Как если бы в вакуумную пустоту, где обитал Великий Потенциал, ворвался божественный бозон Хиггса, который и есть истинный Конструктор Вселенной. Ворвался и начал свое действие – создание Мировой Курицы из Первойяца. Курицей стал наш союз, яйцом – окружающий мир. Из него мы вышли первозданно и его же, только уже в обновленном виде, должны были вновь переродить сами. Явление цыплёнка у новоиспечённой, пока не имевшей даже собственного курятника, курицы, хоть и отпраздновали шампанским, стало в Проекте первой поправкой, сделанной жёсткой рукой неумолимой реальности. Цыплёнку больше, чем курице, оказались нужны пища и кров. И эта священная суета, закрутившая нас, как-то очень естественно и плавно перешла в руки моих родителей. А когда отчётливо проявился и факт того, что связи между сторонами этой куриной конструкции не смыкаются, отчего не вполне равнобедренный треугольник в идеальный круг семейной ячейки вписываться не собирался, я, пряча глаза, вернула кронциркуль в руки Судьбы и... развелась. Первая попытка успехом не увенчалась.

2

Моё поколение верило в любовь. Именно она двигала нами, как пешками по шахматной доске. Она бросала клич: «На целину!». И в палатках посреди заснеженных неудобий наши волосы намертво вмерзали в старенький ватный тюфяк. Она призывала на комсомольские стройки – и мы, отмахиваясь от несносной мошки, распевали гордые песни возле дымных таёжных костров. Любовь двигала нами, когда мы, отчаянно экономя, теснились вдвоём на одной раскладушке, потому что снимали жильё у скопидомной бабки-армянки, которая брала плату за уголок в общей с ней комнате, как за отдельную. В студенческом общежитии для семейных пар мест не было, а вдали друг от друга мы жить уже не могли. Тем более, что жили мы в десяти метрах от университета, где оба учились. На многолюдных форумах вместе с начинающим поэтом Женей Евтушенко мы рвали в кровь свои души, скандируя в те годы его строфы:

*Внутри твоих следов лёд расставанья!
Ну поверни, ну поверни следы обратно!..*

Любовь вела нас по жизни, будто поводырью слепого, и без неё жизнь казалась пресной, как трава. Ночами, много позже, опрокидываясь в сон – глаза закрыты, руки привычно, как учили в пионерлагере, поверх одеяла, – вместо того, чтобы думать о дочкиных экзаменах и о её зачётах в университете, где ещё до развала Союза начался исторически-истерический крен в сторону исключительно украинского языка, мне стыдно в этом признаться, но я по-прежнему грезила о любви. Я размышляла, что если миром правят идеи, то почему бы одной из них не воплотиться в образе некоего носителя лиры?! Ладно, пусть даже не поэта, но, чтобы любил меня, невзирая на мои слабые способности варить настоящий украинский борщ.

Почему именно украинский? Дело в том, что с родным Жигулёвском я порвала сразу после дипломной, и родители, чтобы не оставаться одни в далёкой от меня российской глубинке, обменяли свою очень по тем временам приличную, в районе набережной, квартиру сначала в когдатошнюю столицу Украины – Харьков, а позже – ко мне в Киев. После черныбыльской катастрофы это было несложно, тем более с доплатой. И теперь у них на двоих была полнометражная трёшка на Лесном массиве, прямо возле Торгового института и конечной станции метро, в центре всей транспортной развязки. Так что места в этой квартире с лихвой хватало и на меня с Юлькой. Именно потому я так легкомысленно и великодушно при разводе уступила бывшему мужу нашу общую с ним однокомнатную на Владимирском спуске. Впрочем, не получив за это даже спасибо. Мой жест был принят как должное. Квартиру благоверный тут же загнал, и на вырученные деньги приобрёл «девятку», домик в родном Ирпене и... новую жену. Свято место пусто не бывает!

Наверное, на небесах моё тайное желание заинвентаризовали во вселенском гроссбухе. И когда, отправляясь в очередную командировку, я первой вошла в своё купе поезда «Киев – Одесса», то прямо со стороны своего места увидела лежавшую на столике свежую, будто только с куста, пунцовую розу. Она была осыпана мелкой росой. Сердце у меня встрепенулось, но тормозом разума я погасила его порыв. Роза – случайность, просто кто-то её забыл.

– Ты где остановишься? – выглянул из соседнего купе знакомый корреспондент. В нашей среде его звали Борюнчиком. Он, как и я, был в Киеве из пришлых, а в журналистике оказался случайно. Просто нравилось привязывать строчку к строчке, в столичной же прессе всегда нехватка рабочих ног. Ноги у Борюнчика были резвые, потому он зарабатывал на договорных началах. То есть в журнале ему шёл рабочий стаж, но получал Борюнчик только гонорар, без

зарплаты. В общем-то, с Бориной энергией при таком раскладе заработать было несложно. Конечно, меньше, чем в своём Кривом Роге, где работал горным инженером. Но инженер – ремесло, считал Борюнчик, а работа в журнале – настоящее творчество. В нашем деле, да ещё и в Киеве, ему было куда интереснее.

– У меня знакомые в «Пассаже», так что не найдёшь ничего приличного, я номерок тебе сварганю, – весело пообещал Боря и исчез.

Была ранняя весна, туристический сезон ещё не начался, и проблем с поселением не возникло. Правда, вечером я всё-таки набрала номер Бориного телефона, и абонент отрапортовал, что материал для его журнала собран и это будет ещё та бомба!

Позже я прочитала ту статью. Действительно, интересно. О том, что в Одессе создали какой-то филиал фантастического медицинского центра, где работают лечебными частотами по новым технологиям Академии наук СССР. В числе учредителей Центра значились весьма известные учёные, имена которых знала даже я.

3

Это было время, когда на замороченные политикой головы людей свалилось множество статей, книг, лекций про НЛО, фантомы и всяческих барабашек. И пока бывшие коммунистические вожди втихомолку дерибанили союзное имущество, в каждом обычном доме и на каждом перекрёстке пересказывались невероятные факты. Что происходили пусть не с самими рассказчиками, но с очень авторитетными их знакомыми, которые (уж конечно!) не сочиняют! В дополнение ко всему, с экранов телевизоров «давал установку» демонический Кашпировский, убеждая верить в исцеление от всех болезней вплоть до раковых опухолей. А ещё один – красивый и седовласый Алан Чумак – совсем недавно московский журналист, водя руками и глядя на телезрителей серьёзными и умными глазами, вовсе молчал. Тоже «давал установку!».

Многие в те годы кинулись в церкви. Многие – из церквей. Масса любознательного люда подалась на курсы странствующего астролога Павла Глобы, враз ставшего знаменитым. Людям не терпелось разобраться в удивительной небесной механике, которая, оказывается, давно предсказала неожиданный развал огромной и сильной страны СССР.

Древнее платоновское утверждение, что миром правят идеи, на рубеже веков приобрело вдруг неожиданно-вещественную констатацию. Получалось, что некто в облаках, забавляясь шахматами на карте мира, именно в этой части суши объявил сам себе мат. Было это странно и наводило на совершенно нестандартные размышления, отчего глаза сами собой тянулись к папиросным страничкам завезённой откуда-то из-за бугра русскоязычной Библии – небольшого формата книжечки цвета «электрик».

– Завтра у меня один из создателей того фантастического Одесского медицинского Центра. Его Витькой зовут, Абрамовым. Приходи, не пожалеешь! – сказал Борюнчик по телефону.

Говорю же, наше поколение было двинуто на каком-то необъяснимом ожидании чуда. Причём неважно, откуда оно явится. В эпохальном смысле мы свято верили, что во всём мире вот-вот наступит Коммунизм. Это было совершенно непреложно. В личном – что, того гляди, произойдёт нечто такое, отчего жизнь станет совсем безоблачной. В чём оно выразится, никто не знал, но представлял каждый по-своему. Может, на работе повысят зарплату. Или переведут куда-нибудь на более престижное место. Или квартиру, наконец, расширят. Потому что, сколько же ещё-то ждать? И так десять лет протикало, а всё – «первые на очереди».

Новая квартира была мне уже ни к чему – жизнь на Лесном массиве, несмотря на внутрисемейные трения, вполне меня устраивала освобождённостью от бытовых забот. Работа и зарплата – тоже. А что ещё нужно для счастья пусть не очень молодой, но всё ещё в неплохой форме, вполне симпатичной женщине? Ну, ясное дело – любви! Этого мощного таинства, к которому инстинктивно тянется всё – от цветка на земле до птицы в небе.

О Борином приглашении я начисто забыла и, естественно, никуда не пошла. Тем более что странный намёк на чудо в виде розы в порожном купе пока ещё не сработал, и ничего сверхъестественного в моей жизни не произошло.

Впрочем, не заставил себя ждать и второй камешек в этот же огород. Не менее загадочный. Сразу по возвращении из Одессы. Я «делала базар» на Лукьяновском рынке, когда женщина с цыганистым, крупно изрезанным морщинами лицом, вклинившаяся со своей корзиной цветов почему-то посреди прилавков с многоцветной снедью, вдруг сунула мне в руку огромную, с чайное блюдце, лохматую розу в мелкой росе.

– Темна вода во облацех, – проговорила она невнятно и вдруг, словно затвором, звякнула сердоликовым браслетом на запястье: – Купи!

Киев не Одесса. Здесь розы, да ещё в самом начале весны, кусаются. Кроме того, такой цветок в «авоське» среди свертков мяса, картошки и вялых стрелок зелёного лука мне явно был ни к чему. Я энергично замотала головой.

– Дёшево отдам, – не отцепилась женщина, поняв меня по-своему. – Или на, возьми так.

Побренчав монистами, она с трудом выбралась из-за своих корзин – ни одной розы, подобной той, что она протягивала мне, там больше не оказалось.

– Не отказывайся. От своего счастья откажешься. Бери-бери.

И прямо-таки сунула роскошный цветок в мою ладонь. Он обдал меня чарующим ароматом.

– Ну, спасибо.

– На счастье, сестра. Совсем-совсем скоро твоё счастье, – выстрелила она в меня своим чёрным глазом. (Второй знак судьбы?).

4

Что-то задержало меня на работе, и на Оболонь на день рождения Борюнчика явилась я затемно. Неля, Борина жена, открыв дверь, тут же выговорила мне за опоздание, потому что все уже разбежались и лишь в прихожей топтался незнакомый мне полноватый мужчина, с которым мой приятель всё не мог наговориться.

– А, это ты, Ирка, – обрадовался Борюнчик и, кивнув на гостя, представил: – А это Витёк Абрамов, я тебе о нём рассказывал.

Крупный и в силу лет совсем непохожий на «Витька» мужчина протянул крепкую руку: – Абрамов.

Он довольно напористо скользнул по мне и остановил взгляд на принесённых мной цветах. Они отразились в его глазах.

– Вы всегда носите в зрачках ирисы? – не удержалась я.

– Только когда они в ваших руках, – в тон мне отозвался «Витёк», спрятав голубоватые льдинки глаз под бронзовый мех бровей. И ушёл. Только звук подошедшего лифта ещё с минуту дребезжал и звякал...

– Слушай, он классный мужик, – заметил Боря, что-то прикидывая в своей крутолобой голове и глядя на меня оценивающе. – Ты же любишь поэзию?

Он разлил по чашкам кофе и, подвинув одну в мою сторону, тоном заговорщика засвидетельствовал:

– У него то ли четыре, то ли пять поэтических сборников. Он и в Москве печатается. И в нашем журнале тоже. Только мы его нечасто публикуем, он на русском пишет. Одессит же. А в Одессе он ударной медициной заправляет. КВЧ-центром. Ну, тем, про который я писал.

– А ещё он кристально порядочный, – стрельнув в меня лукавым взглядом, подхватила во всём согласная с мужем Неля. Её семейная идиллия в том и заключалась – всегда держать сторону Борюнчика. Я немного смутилась.

– Кристально?

– Абсолютно, – почесал в прорези старенького джемпера свою шерстистую грудь Боря. А Неля, обхватив мужа за плечи, впилась в меня своими тёмными, как кофейные зёрнышки, глазами. Ребёнком её подобрала в войну киевская семья – вырастила, выучила, и теперь благодарная Неля стремилась всем удружить, всех поженить и всех перезнакомить.

– Правда-правда, – закивала она кудлатой, как у болонки, головой, ещё теснее прижимаясь к Борюнчику. При этом голова её была на порядок выше Бориной, так что кругленький и невысокий муж примостился у неё под мышкой – точь-в-точь два приложенных один к другому шара. Один побольше, другой – поменьше.

Эта семейная пара возникла после того, как, пройдя курс противоалкогольного лечения, нештатный корреспондент одной из столичных газет Боря Худан сотворил роман об алкоголиках. После чего из шахтёрской среды, где подвизался в горных инженерах, перебрался в Нелину киевскую «трёшку» с намерением стать писателем. Учувя, что с Бори толк выйдет, Неля взялась за дело со всем пылом уходящей молодости: из мужичонки в облезлом малахае и в старом пальтеце с рукавами чуть ли не до локтей, она довольно быстро создала почти респектабельного господина, которого и подвигла регулярно мотаться в Москву. Правда, пленить столицу нашей Родины Боре не удавалось, и чуть позже, когда наши отношения стали совсем приятельскими, я срежиссировала ему издание – тема была как раз востребована. Правда, позже Борюнчик всем хвастал, что тиснули его прямо из потока, но это уже Бог с ним.

– Слушай, Ир! А Витька-то забыл у меня очки. Взяла бы ты их – будешь в Одессе – и звякнешь. Он и прибежит.

Я примерила очки и чуть было не проскользнула сквозь их широко расставленные дужки.

– Ничего себе голова, – пробормотала я, укладывая исполинский причиндал в сумку.

– Говорю же, он умный, – с готовностью подтвердил Боря. – Ты с ним обязательно созвонись. Это же XXI век! Не уколы, не таблетки, а частоты! Космическая медицина! Это же сенсация! Возьмёшь интервью и – ка-а-к грохнешь! Вот будет шороху на всю Украину!

В Одессе я не нашла времени позвонить и оставила очки у знакомых вместе с номером Абрамовского телефона. Журналистская стезя тем и хороша – где ни будь, новые знакомства обеспечены.

Вот с того самого дня мой домашний телефон по выходным и стал взрываться трезвоном.

5

– Всё твои женихи, – блестя глазами, заговорщицки нашёптывала мне Юлька, моя первокурсница-дочь. – Звонит хмырь – и молчит! Представь?!

– Да ну тебя! – тоже шёпотом, чтобы не услышала моя мама, отнекивалась я. Воспитанная в пуританских традициях ещё того века, когда дамы стеснялись ходить в туалет, мама, рождённая за пять лет до революции, относилась к нашим «вольностям» с осуждением.

Она бережно хранила семейную притчу о том, что корни её, по крайней мере бабушки по материнской линии, тянулись из дворянского рода времён Екатерины Великой. На это косвенно указывала и до сих пор шёлковая её кожа, всегда вызывавшая во мне волну тайной зависти – никто из нас, потомков, такой не унаследовал. И некоторые фотографии заявляли о том же. Особенно, где суровая дама в кринолине – её бабушка – восседала в роскошном кресле с веером в изящной руке. А из-за её спины на нас взирал напоминавший моего брата молодой человек в аккуратно подстриженных усиках и во фраке. Эта властная женщина в чёрном рано овдовела и замуж больше не вышла – грянул семнадцатый... Мама уверяла, что, когда она входила в галантерейную лавку, приказчик со всех ног бросался на хозяйскую половину и торжественно вносил для неё плюшевое кресло, куда бабушка усаживалась, возлагая на скамеечку обутые в атласные туфельки ножки. Только хозяину доверялось обслуживать такую высокую посетительницу. Впрочем, происхождение было забыто сразу после Октября 17-го, и все прочие фотографии альбома состояли из гробов, в которых лежали молодые и старые мамы родственники – братья, сёстры, бабушки, дедушки, потом отец и мать. Была там и её фотография – угрюмая девочка в белом колпачке с помпоном.

Позже, уже в тридцатые, в гробу сняли и её собственного сынишку от первого брака. Первый мамин муж был сыном известных волжских заводчиков, и в сталинские времена его постигла та же участь, что и других, ему подобных. А позже мама снята в армейской гимнастёрке с кубиками в петлицах рядом с чернобровым красноармейцем в форме сержанта. Моего будущего папу привезли к ней в медсанбат, и больше они не разлучались.

Впрочем, и по отцовской линии не всё срасталось с рабоче-крестьянским происхождением. Любой предмет в руках папы издавал мелодию: бампер, крыло автомобиля, даже стена. Помню, он наигрывал мне «Во саду ли, в огороде» то на венике, то на бутылке от ситро, ударяя палочками по разным её участкам. Гитары-мандолины-трубы, а также аккордеоны-фисгармонии, позже и моё пианино, к которому, кроме меня и папы, подходить никому не дозволялось, под его пальцами наяривали всё, что заказывалось. А иногда из-под чёрных и белых прямоугольников клавиш струилась такая упоительная музыка, что все вокруг замирали и, если в красном уголке завода звонил телефон, обступившая старый рояль шоферня попросту выдёргивала телефонный шнур из стены.

Моя Юлька в Деде души не чаяла. Возвращаясь с работы, он торжественно вручал ей то перламутрово-синего жука в спичечном коробке, то мятный пряник или вожделенный пломбир, который Юлька слизывала под его мужественным прикрытием – мороженое запрещалось в силу опасности для Юлькиного здоровья.

Ах, мало мне досталось от папиных талантов. Лицом я, пожалуй, напоминала его. Но куда моим бровям до его разлёта, а глазам до его колдовских омутов. И всё равно: случись потеряться, кто-нибудь из многочисленных папиных знакомцев обязательно привёл бы меня если не к нему на работу, то уж домой-то наверняка.

Одно было плохо. Кроме явно средиземноморской внешности, что легко привлекала мужской пол (это было хорошо), в наследство я получила и его излишне мягкий характер. Который сводил на нет все мои потуги отстоять собственные интересы. И уж это-то никуда не годилось. Как у папы возле его гаража толпились приятели, которым он в чём-то помо-

гал в ущерб свободному времени, так и меня доставал с десятков подруг. Те сбрасывали мне свои необязательные для меня наряды за, в общем-то, запредельную цену, – недосуг же бегать по комиссионкам и толкучкам, где можно приобрести что-то не из маспошива. Правда, деньги можно было отдавать частями, и в этом таился существенный плюс. Хотя, когда мы отправлялись обедать, выныривал как чёрт из табакерки и скрытый минус: платила за всех тоже я. Поскольку чувствовала в этом мучительную желательность – подруги постоянно плакались о материальных проблемах, а я таким образом как бы погашала свои негласные проценты.

– Ну а кто ещё может так названивать? – делала из своих умозаключений логичный вывод дочь, осторожно прикрыв дверь в комнату: там моя мать смотрела «Клуб путешественников» с Сенкевичем. – Конечно, твои женихи. Не мои же!

– Почему не твои? Не я, а ты же у нас на выданье. Мне уж и на покой пора.

Юлька хихикнула. Ей было трудно представить меня на покое – большая часть телефонных благовестов касалась именно моих дел. Но дел, а не флиртов.

– Звонить и молчать могут только люди пионерского возраста, – немного конфузясь, парировала я – дочери шёл девятнадцатый год, и она давно не была пионеркой. У неё даже парень был. Окна его полнометражки с двумя лоджиями выходили прямо на скульптуру Родины-Матери, туда, где мы с Юлькой любили кататься на гидропедах. К ней там постоянно кто-то клеился. Однажды двое соискателей Юлькиного внимания, припустив за нами на водных велосипедах, включили свой привычный трёп, мол, как вас зовут, девушки, и не встретиться ли нам вечером. Чтобы рассмотреть ухажёров получше, я неосмотрительно сняла тёмные очки, и... лишь след закрутился – парни брызнули прочь с быстротой ракеты.

– Нет уж, – авторитетно заключила Юлька. – У меня таких придурков не бывает. Я телефонами не разбрасываюсь.

– А я разбрасываюсь?

– Да тебя только придурки и привлекают.

– Почему – придурки?

– Потому что всё эксцентрику ищешь! – отрезала она, берясь за ручку двери. Они с Олегом шли на концерт. Папа Олега работал главным инженером Дворца Спорта. Так что водить приятельницу на любые концерты сыну было плёвым делом... Сидели они с Юлькой на лучших местах, в директорской ложе. Окружённые заботой и вниманием всего обслуживающего персонала.

– Ладно, пока. Я с Конём на Агузарову иду.

«Конём» Олега прозвала наша Баба – не бабушка, а именно Баба. Её чем-то унижало слово «бабушка», и отзывалась она исключительно на Бабу – таково было её высочайшее желание. Но почему Олега окрестила Конём, я не знаю. Вроде, он был среднего роста, русым и светлоглазым, как почти все в Киеве. Как на меня, он был вполне хорош собой и даже чем-то напоминал американских киногероев из «Золота Маккены». Что мне нравилось, так это то, что после кулинарного техникума, где научился превосходно готовить, Конь поступил в университет. Не один месяц он закармливал капризную Юльку вкусами собственного приготовления, буквально забрасывая её цветами. Наша квартира поэтому всю весну благоухала сиренью, нарциссами и пионами. Беда была в другом: в отличие от желудка, отклика в сердце Юльки почему-то так и не находилось. Юлька всегда была готова к новым знакомствам. Может, причина была в возрасте. Или в политике. Шли словесные баталии за независимость Украины, и везде только и говорили, что Украина имеет и золото, и руду, и сало. Потому, мол, нечего склоняться перед так называемым «большим братом». Мы, мол, и сами с усами! Изображая из себя ярого националиста, Конь, тем не менее, изъяснялся исключительно по-русски. Причём не только с Юлькой, но и со всеми своими друзьями-националистами. И даже дома. Что особенно и смешило мою дочь. Впрочем, смеялась она, ещё когда услышала прозвище впер-

вые. И отметила, что похож Олег, скорее, на пони чем на коня. Хотя на пони Олег и вовсе похож не был! Сходство с красивым и благородным животным Баба, наверное, нашла из-за его длинного, выдающегося вперёд подбородка с крупными не вполне белыми зубами. А может, из-за того, что родился он в год Лошади?

Впрочем, клички Баба давала всем. Например, мой бывший муж Рома числился у неё Ярым Пнём. Или Ярпнём, сокращённо. Наверное, по названию его родного городка Ирпень. Ярым он оказался, возможно, потому что в семейных схватках ухитрился куснуть самолюбие нашего домашнего кормчего так мастерски, что Баба потом долго дулась, подыскивая, чем бы большее ему отплатить. А началось это ещё с первого знакомства, когда мой тогда ещё даже не жених, а просто однокурсник, наотрез отказался поддержать её высокомерно предложенный тост за наш род. Вот тогда она и назвала его впервые Ерепней. Но позже, заметив, что зятю это как горох об стенку и на все её наскоки он лишь криво усмехается и, как пень, не сходит со своих позиций, его переименовали в Ярпня. «А чему удивляться? – презрительно поджимала она свои узкие, как ротовая щель рыбы, губы. – Рома – хохол. Что с хохла взять? Окраина. Они же потомки беглых крестьян. А теперь ещё и бал правят – незалежными стали. «Вот те, баушка, и Юрьев день». Вот те и «каждая кухарка должна уметь управлять государством»! Высказавшись таким образом, она обстоятельно усаживалась в кресло созерцать нас, как императрица распростёртую у ног челядь. Мы смиренно отмалчивались: даже наш замечательный Деда, одессит по рождению, был у неё как бы вторым сортом. Тумпаком. То есть тоже пнём. И всё по той же великоросской причине.

– Не забывайте, кто мы! – назидала она нам, периодически углубляясь в семейные предания.

– Это кто ж вы такие? – ерепенился Ярпень. – Волжские мещане?

– А ты вообще пустое место! – без всякой логики взбрыкивала оскорблённая Баба.

– Как же пустое, если – пень? – потешался Ярпень. При этом он сохранял на лице полную невозмутимость.

Баба тут же включалась в страстную историческую полемику. И длиться это могло часами. Потому что за более короткий срок вывести нашего Рому из себя было не под силу даже ей. Он лишь криво усмехался и подбрасывал в костёр новых дровишек. Берёзовых. Жарких.

– Ну и ерепенистый пень, – своим ушам не верила Баба. Рома был первым, кто осмелился ей перечить. Но в итоге оба расходились довольные.

Надо признать, что клички у Бабы имели все. К примеру, я была Москрицей, Понапырышем и Скильдой. За невысокий рост и худощавость. Хотя и сама Баба, вдоль – излишними сантиметрами или поперёк – тучностью – явно не отличалась. Юлька у неё числилась Вторым Пнём. Наверное, за упрямство и своенравие. Паренёк, с которым ещё в школьные годы Юлька иногда забегала домой после занятий, имел у Бабы кличку Крокодил. Вероятно, от своего имени Гена. Он был из весьма уважаемой в городе семьи, и Баба милостиво позволяла ему с полчаса топтаться в прихожей. Недолго. Соседскую девочку с этажа выше Баба звала Кувалдой – наверное, по причине маленького роста и крепкого телосложения. Ну и прочие, кто нашему Кормчему попадал на глаза, идентифицировались по прозвищам. Удобством в этом мы считали то, что при одинаковых именах никого уже нельзя было ни с кем перепутать. Даже при жизни нашего папы-Деда ничьё мнение на этот счёт её не интересовало. В случае противоречия, из «не забывайте, кто мы», мы немедленно превращались в «чёрную косточку» и в квартире надолго повисало гнетущее молчанье. «Хватит того, что вы нам жизнь поломали!», высокомерно отворачивалась она, утирая сухие глаза батистовым платочком с выцветшими вензелями вышивки. Кому именно «нам», и кто имелся в виду под «вы», Баба никогда не уточняла. И, хоть мы никакого отношения к поломке её жизни не имели, все, сколько нас было, кроме Ярпня, разумеется, смиренно считали, что наше почтение своей поломанной жизнью Баба заслужила.

Наверное, рабство, как и бунт, в славянской душе живёт искони. Опуская глаза и подчиняясь, все мы, тем не менее, потихоньку нарушали установленные в доме каноны. Да что там мы! Мировое человечество тем и живо, что всю свою историю нарушает запреты. И ничего, живы!

6

– И когда уж оне оженятся? – хмуро вопрошала меня Баба, глядя вслед хлопнувшей дверью Юльке. По её исчерпывающему мнению, встречаться с парнем больше месяца было недопустимо. Когда я бралась объяснять, что намного хуже вступить в необдуманный брак, она с негодованием укрывалась в своей комнате: «Тогда и шляться по ночам нечего!». «По ночам» означало после девяти вечера. Юлька же могла вернуться с концерта и в одиннадцать, и в двенадцать, что превышало отпущенный домашним комендантом срок, и ближе к контрольному часу я укладывала одеяло в Юлиной комнате так, чтобы придать ему вид человеческого тела. Я даже приспособливала туда свой старый распатланный парик – в свете ночника было почти незаметно, что он темнее Юлькиных волос. Потом щёлкала замком и слегка поскрипывала дверью. После чего тихонько включала телевизор.

А вот спросите меня, почему я это делала? Разве не проще было с самого начала всё расставить по своим местам? ...За рамками дома я была вполне адекватным, профессионально состоявшимся человеком. И свой творческий почерк у меня был, и самостоятельная позиция. И передачи мои шли даже по союзным каналам. И первая книжка художественной прозы вышла. Её даже «на ура» приняли в Союзе писателей. Но стоило переступить порог дома, я уходила в глухую защиту. Изошрённо лавируя между характерами и претензиями всех участников домашнего повседневного действия.

– Ну, давай дуй в Одессу, – положил передо мной командировочное удостоверение шеф – низкорослый очкарик с усталым вымотанным лицом, он всегда вызывал у меня сочувствие – непросто в сегодняшнее время вести корабль. С одной стороны, хлеб ешь от коммунистов, с другой – и не всё с совестью уживается. – Два дня на поездку и три, чтобы сдать материал. О волновой медицине, – шеф выразительно похлопал ладонью по заваленному бумагами столу и зверски засопел. Он всегда так делал, если хотел придать словам особый вес. – О самом интересном нам положено сообщать раньше журналов. А мы уже опоздали, – и он засопел снова.

– Так я же не отвечаю за медицину, – заупрямилась я для виду.

– Это не обычная медицина. Короче, езжай давай, – прикрикнул шеф.

Дома, оторвавшись от учебника по испанскому, Юлька как бы невзначай шепнула:

– А твой придурок опять звонил. Беру трубку – молчок.

– Да-да! Что там у вас за тайны завелись? – предстала моему взору и Баба. – Телефон названивает. Поднимаю трубку – бросают.

– Так дети балуются, – буркнула я и на всякий случай врубила в гостиной телевизор. Шло «Очевидное – невероятное» с Капицей.

– Н-да, дети, – недоверчиво хмыкнула Баба, усаживаясь в кресло. Это была её любимая передача.

«Женихаться-невеститься» в моём возрасте она считала стыдным и смешным. А не имеющий конечной целью брачных уз флирт не значился в банке информации Бабы вообще. Заподозри она хоть намёк на владевшие мной мечтания – не избежать бы «позорного столба»! Повертев в руках купленные мной у Нели туфли, она резюмировала: «Снова женихов развела».

– Давно пора, – весело подтвердила Юлька, усаживаясь рядом с Бабой. Это была и её любимая передача. Тем более, что телевизор дозволялось включать только на допущенные программы. Все иные объявлялись «чушью», и вилка из розетки выдёргивалась.

Поёрзав с минуту, Юлька вытянулась струной – в присутствии Бабы можно было сидеть исключительно так.

– Да ну вас! – огрызнулась я. – Какие «женихи»!

И в ту же минуту зазвенел телефон. Было слышно, как в трубке дышат. А чуть вдали голос Борюнчика что-то выговаривал внучкам.

– Говорю же, дети, – уведомила я почему-то с тайной радостью. – Вот послушайте...

После прослушивания детских голосов вытянувшаяся физиономия Юльки выразила недоверие, а Бабина – удовлетворение. При всей своей строгости мама была достаточно наивна.

7

*Как хорошо,
Когда, на рассвете проснувшись,
Выглянешь в сад —
И увидишь вдруг, что бутоны
Превратились в цветы на вишне.*

Татибана Акэми

Одесса встретила меня цветущими акациями и желтью тамарисков.
– Абрамов у аппарата, – важно представились на другом конце провода.
– Киевское радио, – отрекомендовалась я, намереваясь сообщить о цели визита.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.